

жан предполагал, что рассчитывать на внимание легкомысленных, в его представлении, поклонников этого жанра, ничего иного, в особенности серьезного, как ему казалось, не читавших, он мог лишь в том случае, если ему удастся преподнести свою аргументацию в занятой, забавной форме. Это родило парадокс: неприемлемый противник романов написал пародийный роман в популярном для того времени жанре фантастических путешествий (*voyages merveilleux*).

Королева Фан-Фередина, мать героя, повествующего о своих странствиях и приключениях, не жаловала романы, но как-то ей случилось прочитать в одном солидном сочинении, что «для воспитания ума и сердца молодых особ нет ничего более приличествующего, чем подобное чтение»,³⁰ и она засадила за них сына, чтобы с раннего возраста привить ему «любовь к добродетели и чести, отвращение к пороку, владение страстями, уважение к истине, величию, всему серьезному и достойному почитания».³¹ Воспитание принесло свои плоды. Исполненный самых благородных чувств и мыслей, принц испытывает отвращение к людям, среди которых ему приходится жить. Оставив их коснеть в низких и грубых правах, он отправляется на поиски «чуждой земли Романов, где живут одни герои».³² После долгих скитаний он попадает в прекрасную долину, которая и оказывается обетованной землей Романией. Принц рассказывает о ландшафте страны, ее флоре и фауне, жителях, их внешности, обычаях, пище, занятиях, правах, государственных законах, торговле и ремеслах — и каждая деталь пародирует что-нибудь абсурдное и неестественное. А таковыми автор памфлета признавал в романах все.

Бужан отвергал и «Астрею», и пухлые галантно-героические творения Гомбервиля, Ла Кальпренеда, Скюдери, Демаре, и новейшие романы Прево или Кребийона-сына, и повести «Тысячи и одной ночи», и «Дон-Кихота», и волшебные сказки, и «Путешествия Гулливера». Для него не имело ни нравственной, ни эстетической ценности как происходившее на его глазах приближение жанра к современной действительности и вызванное этим изменение тематики и объектов изображения, так и художественное новаторство, преодолевавшее все те абсурды, в которые он метал свои сатирические стрелы. История жанра воспринималась им лишь как постепенная деградация главных персонажей, в процессе которой особы королевской крови и прославленные герои уступили место авантюристам, бродягам и вообще людям заурядным (*de mediocre vertu*). В этом единственно виделось ему отличие, например, «Жиль Блаза», которого он также задевает в памфлете, от, скажем, «Астреи», «Клеопатры» или «Фарамонда».

³⁰ Бужан с иронией цитирует кн.: *Lenglet-Dufrenoy N. De l'usage des romans, avec une bibliothèque des romans*. Т. 1—2. Paris, 1734.

³¹ *Voyageant G.-H. Voyage merveilleux...*, p. 3.

³² *Ibid.*, p. 5.